

из практики совсем или же применять. Думаю, что вопрос о смертной казни будет долго находиться в состоянии неопределенности, моратория. В конце концов, вопрос о смертной казни – это, вопрос о человеке, о нашем отношении к другим, и, в каком-то смысле, к себе тоже. Как относиться к проблеме смертной казни? Это до сих пор открытый вопрос...

А. Ю. Елсаков
УрГУ им. А. М. Горького

АНТРОПОДИФФУЗОРНЫЕ АСПЕКТЫ ДИАЛОГА

«Любовь во всех своих нюансах – не что иное, как более или менее непосредственный след, оставленный в сердце элемента психической конвергенцией к себе универсума».

Пьер Тейяр де Шарден
«Феномен человека. Любовь – Энергия»

В чём кроется оптимизм возможности диалога в рамках эротизированного взаимоотношения? Заняв позицию умеренного скепсиса, мы явственно можем утверждать лишь тотальную неспособность человеческих существ к глубинному взаимопониманию, и, тем паче, взаимопроникновению, рассматривая оное именно с позиции тотальности субъект-субъектности, то есть с позиции недialeктического понимания универсума свершения/претерпевания, принимая перверсивную чехарду ключевых для нашего понимания эротичности функций. Заявленный примат субъект-субъектности делает неизбежной постановку вопроса если и не о тотальности внутреннего содержания обозначенных действующих лиц подобного взаимодействия, в виду излишней наивности подобного заявления, то, во всяком случае, о вполне реальной стабильности границ, посредством которых любая субъективность становится обособленна от любого внешнего воздействия и тем самым образом задана и определена.

Но, если диалог сущностно не тотален и если свойством его реализации становится не обоюдное воздействие, понятое как прорыв, то вся непосредственная совокупность претерпеваний

(именно в аспекте структурированной фиксации) должна быть определена как итоговое постулирование этих претерпеваний в некую внутреннюю перераспределённость свойств каждой из вступающих во взаимодействие субъективностей. Диалог же, понятый как практика, становится катализатором этого перераспределения, условием его возможности, но в подобном свойстве он не просто распределён между участниками эротического взаимодействия в некоем общем, равноправном обладании возможностью реализации желания, но сам выступает равноправным элементом подобного взаимодействия, хотя и формирует собственную возможность посредством изначально вступающих в отношения субъектов. Подобным опосредованием диалогичности зарегистрированная нами перверсивная чехарда находит возможность легитимизации посредством обозначения формы функционирования.

Речь в подобном контексте идёт о диалоге, понятом в определении антроподиффузорного взаимодействия, достойной иллюстрацией которому может послужить канонический пример из школьного курса физики, иллюстрирующий диффузию в твёрдых телах, а именно неразделимое взаимопроникновение поверхностных слоёв двух металлических брусочков (свинцового и золотого), длительное время находящихся в плотно прижатом состоянии и образующих на стыке специфическую тончайшую прослойку, при детальном изучении которой заметны структурные элементы как свинца, так и золота, однако настолько сильно перемешавшиеся, что возможность установления преобладания тех или иных частиц попросту невозможна, хотя основное тело обоих брусочков практических не поддаётся изменению, независимо от срока диффузного взаимодействия. Именно эта идея прослойки как ключевого свойства обозначенного антроподиффузорного взаимодействия, прослойки, характеризующейся одновременной тождественностью и инородностью, соподчинённостью и самостоятельностью в отношении задающих её субъектов взаимодействия, приобретает для нас особенную ценность, становясь уникальным прецедентом схождения взаимоисключающих функций свершения/претерпевания в рамках рассредоточения в субъектах взаимодействия, а не разведения по самостоятельным переменным выстраиваемой нами алгебры эротичности.

Сама антроподиффузорная прослойка между субъектами абстрактного эротического взаимодействия становится

пространством реализации обозначенного диалогического взаимодействия, полем реализации диалога как чистой практики. Именно в рамках подобного означивания становится возможным преодоление изначального пессимизма невозможности эротичности как практики, характеризующейся свойством симбиотивности; свойством, становящимся ключом для поворота нашего исследования.

Определение диалогичности как практики кроется в отказе от попытки дескрипции посредством обращения к классическому пониманию структурных свойств, определяемых как строгая алгоритмическая система, и столь необходимых для любого хоть сколько-нибудь внятного описания той или иной процессуальности. Вынесение диалогичности в статус самостоятельного субъекта эротического взаимодействия ставит нас перед фактом невозможности фиксированного положения описываемых процессов, делая необходимым обращение к феномену ризомных структур, хаотичных в собственном разрастании и невозможных к конкретике прогнозирования.

Пространство диалога, таким образом, становится осмыслено не с позиции области возможных реализаций, ристалища обоюдоострых установок свершения посредством прямого транслирования на субъекта-оппонента, но как поле энергетической напряжённости, поле постоянно реконструирующейся обособленной собеседниками дискурсивности, собственной нестабильностью, запускающей процессы развития и перераспределения свойств и атрибутов внутри каждой обособленной субъективности. Если всякая хоть сколько-нибудь эротизированная практика (повторимся, что речь об эротичности идёт в ключе максимально абстрактизированного и универсализированного понимания) становится возможной к реализации и определению посредством обращения к её диалогическим свойствам (свойствам симбиотивности), а симбиотическое единство мы определяем как возможное к наличествованию только посредством рассмотрения его с позиции фиксирования в статусе некоего энергетического, хаотичного, невозможного к внутреннему структурированию в фиксированных схемах, умножения и круговорота деконструирования дискурсивности, опосредованной субъектами диалогического отношения; то становится необходимым признать предельной

тождественность эротичности и энергетичности, понятой как детерминанта любого развития.

Ризомное разрастание диалогичности множит дискурсивность постоянными преломления смыслов и влияний, дестабилизируя поле субъект-субъектного взаимодействия и тем самым приводя в движения непосредственные границы вынужденно обособленных для собственного самоопределения субъектов. Таким образом, тождественное диалогичности эротическое взаимодействие, рассматриваемое с позиции самостоятельного функционирования, приобретает значение избыточного энергетического перенапряжения, становясь двигательной силой разрастания структуры, задающей перераспределением свойств в рамках прекращения субъект-субъектного взаимодействия.

Само поле диалогичности становится задано смещением функций, перверсивная чехарда из статуса атрибута неразрешимости становится надструктурным принципом, преодолевая кризис невозможности бинарного разрастания структурных явлений, присовокупление же к подобного рода умозаключениям тезиса о возможности широкого трактования статуса субъектов диалогического взаимоотношения, предполагающая участие в ононом не только персонифицированных игроков, а предметов, явлений и событий задаёт новый и переломный методологический подход к реализации эротичности как универсальной формы взаимоотношения с реальностью.

Примечания

1. Бубер М.Я и Ты. М.: АСТ, 1999.
2. Жиль Делез, Феликс Гваттари. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. М.: У-Фактория, Астрель, 2010.
3. Лакан Жак. Имена-Отца. М.: Гнозис, Логос, 2006.
4. Лакан Жак. Стадия зеркала. М.: Гнозис, Логос, 2006.
5. Мид Джордж Герберт. Интернализированные другие и самость // От жеста к символу// Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994.
6. Пек Морган Скотт. Непроторенная дорога. М.: София, 2008.